

Анна Сергеевна Одувалова

Бабочка на ее плече

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747790

*Одувалова, Анна Сергеевна. Бабочка на ее плече : [фантастический роман] : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79705-9*

Аннотация

Город Кромельск стоит на границе миров – нашего и магического. Грань, разделяющая их, очень тонка, и магия просачивается к нам. Испокон веков колдуны и неуспокоенные личи-некроманты ведут борьбу за обладание этой силой. В самой гуще этой борьбы оказывается девушка Рада, которая приехала в Кромельск, получив в наследство квартиру. А вместе с квартирой и таинственный портрет кисти неизвестного художника, изображавший цыганку, на плече которой то появляется, то исчезает бабочка. Каким-то образом с этим портретом связан странный парень Бер, преследующий Раду буквально по пятам. Сама того не желая, Рада втягивается в круговорот событий, где любовь, страх и магия сплелись в смертельном объятии...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Одувалова

Бабочка на ее плече

© Одувалова А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

1837 год

Августовский вечер, пахнувший дождем, подгнившей травой и хвойной свежестью близкого леса, превратился в бархатные сумерки, укрывшие обширную территорию барской усадьбы. С полей уже давно пригнали скот, припозднившиеся гости разъехались после театральной постановки, для которой хозяин пригласил режиссеров и декораторов из самой Москвы.

В недавно отремонтированном двухэтажном доме с белоснежными, упирающимися в крышу колоннами наконец-то стихли голоса. Челядь готовилась ко сну, стараясь убраться как можно дальше от господских покоев, в которых жизнь только начиналась.

– Танцуй, цыганка! – в голосе отдающего приказание звучит смех и ласковое подтрунивание. Несмотря на повелительные нотки, мужчина лишь просит.

Полутемная комната освещена только огнем сложенного у стены массивного камина с изразцами. Поленья трещат весело, мелкие искры вылетают из очага и рассыпаются золотом по металлической пластине, закрепленной на полу. Замершая в круге света молодая цыганка медленно переступает босыми ступнями по дощатому полу, задавая себе ритм. Призывно улыбается мужчине, расположившемуся в глубине комнаты, потом неторопливо поднимает вверх руки с бубном и начинает древний, завораживающий танец. Она танцует не по приказу, а по велению души. Двигается так, как живет, – свободно, раскованно, рискованно. Оранжевые, словно осенние листья, отблески пламени в черных волосах, алая, в виде бабочки, заколка у виска и золотые кольца серег, мелькающие среди крупных кудрей.

Обнаженные плечи – смуглые на фоне белоснежной блузки – двигаются в такт ритму, который отбивают босые ноги. Взлетает красная юбка, открывая стройные лодыжки, а в руках мелко дрожит и мелодично позвякивает бубен.

Белая свободная блузка, заправленная под широкий цветастый пояс, в один момент распахнулась на груди, но танцовщица, казалось, не заметила этого. Полная, не затянутая корсетом грудь мелко задрожала, как только цыганка дернула плечами, исполняя тряску, приводящую публику в трепет. Темно-коричневые крупные соски мелькнули и снова скрылись за тонкой тканью блузы.

Мужчина, наблюдающий за танцем из кресла, сжал бокал с вином так сильно, что побелели костяшки пальцев, облизнул губы и подался вперед, стараясь снова поймать взглядом бесстыдный сосок. Цыганка разгадала это намеренье, хитро улыбнулась и повернулась спиной, тряхнув гривой длинных черных волос, которые водопадом скользнули между лопаток вниз, закончившись чуть ниже ягодич. Цыганка двигалась легко и непринужденно кружилась, вьющиеся пряди падали на смуглое лицо, закрывая его словно черная вдовья вуаль.

– Ты колдунья! – выдохнул мужчина, когда танцовщица замерла на миг, повернувшись к нему лицом и откинув назад спутавшиеся кудри.

Девушка хитро усмехнулась, сбросила на пол выбившуюся из-под пояса блузку и медленно двинулась к креслу. «Дзынь-дзынь» – пели звонкие бубенцы, а цыганка улыбалась и совершенно не смущалась, хотя была одета лишь в низко сидящую на бедрах юбку.

Зритель одной рукой торопливо притянул девушку за талию и, усаживая на колени, поймал жадными губами сосок, похожий на маленькую вишневую косточку, – коричневый, ароматный и твердый. Шелковый, привезенный из Европы аргмак с райскими птицами на полах был лишь прихвачен кушаком и почти не скрывал наготу вальяжно устроившегося в

кресле помещика. Цыганка тихо засмеялась, мягко повела плечами и, ловко освободившись от сильных рук, скользнула вниз, на брошенную к ногам медвежью шкуру. Девушка склонила голову и потерлась щекой о мужское бедро.

– Ты забрала мою душу! – Мужчина расслабленно откинулся в кресле и прикрыл глаза от наслаждения. Бокал с вином в руке мелко задрожал, когда мягкие губы нежно скользнули по обнаженной коже.

– А сердце? – Голос цыганки был низкий, с хрипотцой, совсем не девичий, но соблазнительно ласкающий и завораживающий. – А сердце отдашь?

Господин в кресле на секунду приоткрыл глаза, улыбнулся с нежностью, великодушно кивнул и шепнул:

– Забирай!

– Спасибо, драгоценный!

Девушка поднялась с колен, резко и быстро скользнула вперед и, запечатлев на губах мужчины поцелуй, вонзила руку в его грудную клетку со словами:

– Этот трофей я ждала долго!

– Ведьма! – сорвавшееся с губ оскорбление прервалось хрипом, перешедшим в бульканье.

Голубые, прозрачные глаза начали стекленеть, а цыганка торжествующе отступила, сжимая в руке еще трепещущее сердце. Черная, похожая на мутный дым сила вытекала из безжизненного тела и оседала к ногам цыганки клубящимся туманом. Девушка сделала шаг вперед, и темные, дымные струи хищно устремились к ее ногам. Вместо того, чтобы отступить в сторону, она позволила туману окутать узкие ступни. Коснувшись кожи, сила стала рассеиваться, с тихим шипением она таяла и светлела, скоро превратившись в едва заметный бледный дымок, который устремился вверх, скользнул по стройным рукам с браслетами, смуглой коже груди и, задержавшись на щеке, просочился в приоткрытый рот. Цыганка тяжело вздохнула и на секунду прикрыла глаза. На ее красивом лице появилась усталость, стали глубже складки у носа. Она будто постарела, но скоро это наваждение исчезло, лицо опять разгладилось, а на губах появилась улыбка. Кровь из зажатого в руке сердца стекала к локтям и капала на пол, а танцовщица улыбалась, глядя на мертвое красивое лицо того, кому она станцевала не один танец.

А за окном собиралась гроза невиданной в этих краях силы. Наползли темные тучи, загородив луну, поднялся ветер, гроыхнул гром, и росчерк молнии вонзился в спокойную гладь неширокой реки.

Глава 1

Портрет цыганки

Электричка остановилась у пыльного перрона в полдень. Стройная девушка со спутанной гривой длинных черных волос и с браслетами-фенечками на загорелых руках ничем не выделялась в разномастной толпе спешащих людей, утомленных жарой и долгой поездкой.

Разве что на едва тронутых блеском губах застыла довольная улыбка, а не раздраженная гримаса, и глаза горели интересом и азартом. Ни духота вагона, ни крикливые соседи, ни вонь пота, забившая нос за четыре часа пути, не испортили ей настроение. Рада с усилием закинула объемный рюкзак на плечо, поудобнее перехватила ручку неподъемного чемодана и последняя из вагона шагнула в раскаленную жару июльского полдня. Едва девушка ступила на перрон, мощный шквал ветра подхватил летящую юбку, швырнул в лицо волосы и заставил зажмуриться, спасая глаза от колючего песка. Секунда – и все стихло, будто и не было этого ураганного порыва. Лишь люди удивленно озирались и ловили по перрону свои летние панамы и легкие пакеты.

Солнце висело на безоблачном небе и светило по-июльски жарко. Иссиня-черную макушку тут же начало припекать, и девушка нацепила белоснежную кепку, совсем не вязавшуюся со свободным и этническим стилем бохо¹.

Рада выглядела немного странно. С крупными украшениями на хрупкой шее, в длинной развевающейся юбке и совершенно чумовых туфлях на невероятном каблуке. Девушка нерешительно замерла на перроне, растерявшись на какое-то время в бегущей к выходу с платформ толпе. В отличие от спешащих людей Рада не знала, куда мчаться, так как оказалась в городе впервые.

Волосы прилипли ко лбу и сзади к шее, и девушка в который раз пожалела о том, что не забрала их в хвост. Оправданием глупости служила лишь утренняя прохлада: когда Рада выходила из дома около пяти утра, жары еще не было.

Мимо, к припаркованному за углом такси, пробежала тетка с огромным чемоданом. Рада едва успела отскочить в сторону, налетела на немолодого плотного дядечку и чуть не сбила с ног малыша, а потом толпа внезапно схлынула. На перроне осталось всего несколько человек. Девушка медленно побрела вдоль путей по направлению к старому, местами облупившемуся вокзалу, построенному, скорее всего, в начале прошлого века. Ветхое деревянное здание красили, наверное, еще во времена СССР. Когда-то оно было бордовым, а сейчас превратилось в уныло-серое с грязно-коричневым оттенком и производило неопрятное впечатление. Рада надеялась, что сам город выглядит лучше. Спешить было некуда, и девушка озиралась по сторонам. За несколькими линиями рельсов простиралось поле, на окраине которого виднелся большой завод. Его высокие трубы торчали в небе черными дымящимися иголками и издали напоминали брошенные на землю грабли.

Рада ускорила шаг, чтобы побыстрее завернуть за угол обшарпанного вокзала и увидеть город. Она верила – там, за поворотом, окажется интереснее. Иначе просто не может быть.

Впервые у Рады появилась возможность провести лето вдали от шумной и излишне заботливой семьи. Нет, она их всех, конечно, очень любила, но последнее время лучше всего это получалось делать на расстоянии. Год назад она поступила в университет и стала появляться дома только ночью. Всю неделю она скучала по вечно ржущим сводным братьям,

¹ Бохо – это смесь стиля хиппи, микс фольклора, милитари, одежды цыган и этнических мотивов. Стал популярен еще в 2000 году и снова переживает очередной всплеск. Слово «бохо» происходит от слова «богема».

папе у телевизора и запаху маминого пирога, а в выходные, когда вся семья собиралась вместе, мечтала сбежать из этого дурдома как можно быстрее.

И вот неожиданно после успешно сданной сессии выпал такой шанс. Умер папин дед, девушка даже боялась представить, сколько лет было старику. Она никогда его не видела, только слышала, что после ее рождения папа с ним сильно повздорил и больше не общался, а сейчас прадед по непонятной причине завещал квартиру не своему внуку, а ей – Раде. И у нее теперь будет пусть небольшая и находящаяся не в столице, но своя квартира.

Рада не ожидала, что эта новость разозлит папу и он запретит ехать и вступать в права наследования. К счастью, сводные братья Димка и Кирилл – сыновья мамы от первого брака – согласились прикрыть ее перед родителями, и вот, после звонка нотариуса, девушка оказалась здесь, в незнакомом городе, в нескольких часах езды от шумной Москвы. Впереди девушку ждали бумажные формальности и почти два месяца свободы от родительской опеки. Врать маме и папе было неприятно, но соблазн получить собственную недвижимость и пожить без надзора оказался сильнее угрызений совести. Рассудив подобным образом, Рада, с подачи Димки и Кирилла, сказала, что поехала с институтской группой в археологический лагерь. Девушку и правда туда звали, но два месяца свободы представлялись намного привлекательнее, чем лопата и никому не нужные черепки.

Разноцветные бродячие кошки сидели на узком бетонном бордюре, отделяющем неширокий пыльный газон от проезжей части. Рада потрепала теплое мурлычущее тело и неторопливо двинулась дальше, выискивая взглядом остановку или хотя бы пешеходный переход. Трасса перед зданием вокзала оказалась довольно оживленной, а парковка была забита до отказа. Правда, стояли на ней, в основном, такси – как машины с логотипами местных фирм, так и старые «Жигули» с ярко-оранжевыми шашечками на крыше и шумными, смуглыми водителями за рулем. Но среди безликих или просто унылых авто попадались вполне интересные экземпляры.

Рада зацепилась взглядом за ярко-красную спортивную «Ауди» и огромный мотоцикл, рядом с которым замер насупленный парень лет двадцати. Ничего примечательного – обычный, разве что слишком большой. Не толстый, просто ширококостный, с огромными руками и богатырским размахом плеч. Рада безразлично скользнула по нему взглядом и отвернулась. Сделала шаг в сторону дороги и почувствовала сильный толчок в спину. Вскрикнув, девушка пошатнулась на своих высоченных каблуках и полетела на проезжую часть под колеса несущихся автомобилей.

Как он успел подскочить, Рада так и не поняла, только почувствовала сильные руки, сжимающие талию. Сердце колотилось в бешеном ритме, колени дрожали, а в горле стоял комок. Так близко к смерти ей бывать не доводилось. Если бы незнакомый байкер не успел, она бы точно оказалась под колесами.

– Спасибо, – выдохнула Рада и торопливо отстранилась. Спасший ее молодой человек пугал не намного меньше, чем перспектива очутиться на проезжей части. Парень был выше на голову, хотя Рада никогда не жаловалась на маленький рост, и от него исходила мощная волна подавляющей силы. От него хотелось бежать. Несмотря на жару, незнакомец был одет в темно-серую водолазку с высоким воротником и черные линялые джинсы. Прямые русые волосы, на вкус Рады слишком длинные – чуть выше широченных плеч, – были растрепаны, видимо, из-за того, что парень ехал на мотоцикле. На лице, словно вырубленном топором из дерева, застыло недовольное выражение. Возможно, кто-то и считал бы его симпатичным, но Раде он совсем не понравился – слишком мрачен и брутален.

– Осторожнее на каблуках. – Хмурый тип кивнул в сторону вызывающе-красных туфель на шпильке.

– Ага, конечно, это каблуки виноваты в том, что какой-то м... – начала Рада, но осеклась и в последнюю минуту удержалась от нецензурного выражения. – Какой-то урод толкнул меня под колеса! Наверное, мои кроссовки сделали бы его менее неуклюжим!

– Ты была одна... – Голос низкий и глухой, казалось, парень с трудом выталкивает из себя слова.

Рада сглотнула, чувствуя, как по позвоночнику пробежал холодок. Девушка точно знала – ее кто-то толкнул. Странно, что спаситель этого предпочел не заметить.

– Пошли!

– Куда? – Рада резво отпрыгнула и настороженно уставилась на парня. События принимали совсем уж нехороший оборот. Такой схватит и утащит за собой, даже пикнуть не успеешь, и вряд ли кто рискнет вступиться!

– Ты – Рада? Я встречаю тебя. – Новый знакомый был немногословен и этим пугал еще сильнее.

– Как ты узнал, что я приеду... Кто сказал? – Девушка против воли отступила на несколько шагов и затравленно оглянулась, пытаясь найти пути к бегству.

– Отец. Он вчера должен был позвонить, – терпеливо пояснил парень. – У тебя нет ключа.

– Твой отец – нотариус? – наконец догадалась Рада и облегченно выдохнула. – Так это же замечательно! – Провожатый ее не устраивал, но это было однозначно лучше, чем пытаться найти нужную улицу и дом самой. – Ты меня проводишь?

– Да. Пойдем. – Парень махнул рукой с зажатым в ней брелоком от ключей в сторону припаркованного хромированного байка, и радость Рады испарилась. Ехать с не улыбочивым незнакомцем на железном монстре, таком же огромном и устрашающем, как и его хозяин, не хотелось.

К счастью, сзади на мотоцикле нашлась удобная ручка, обтянутая темно-коричневой кожей, а значит, не нужно прикасаться к угрюмому, пугающему парню. Девушке не хотелось обнимать его за талию.

Рада надеялась, что дорога до дома прадеда будет короткой. Перед поездкой в новое место девушка почтала справку в Википедии и с удивлением узнала, что Кромельск – старинный город с почти тысячелетней историей. Не такой популярный, как, например, Владимир, но не менее интересный. Как и многие русские города, он пережил войны и не один десяток пожаров. Где-то здесь даже остались старинные, еще деревянные укрепления. Они чудом уцелели после уничтожившего половину города пожара 1879 года. Опаленное дерево стало крепче камня и почти не разрушалось. Рада составила себе целый список мест, где хотела бы побывать. Лучше всего можно узнать город через его архитектуру и жителей, через места, пользующиеся дурной славой, и людные «центральные» площади. А вот музеи девушка не любила, там не чувствовался дух и жизнь города, там была законсервирована смерть.

Миновав несколько светофоров на оживленной трассе, видимо, центральной улице города, молодые люди свернули в тихий проулок и, попетляв между невысокими домами барачного типа, остановились в тихом дворе возле трехэтажного дома, стоящего буквой «Г».

– Спасибо... – Рада стащила с головы шлем и поспешно отдала, неожиданно понимая, что даже не знает, как обратиться к незнакомцу. Он не представился, да девушка и не горела желанием узнавать его имя. Надеялась, что короткое знакомство не продолжится.

– Как найти квартиру? – поинтересовалась она, рассматривая одинаковые подъездные двери с новыми кодовыми замками. Дом не был похож на привычную «хрущевку»: окна больше, зато балконы напоминали птичью клетку – маленькие прямоугольники, огороженные толстыми металлическими прутьями, с наваренным сверху уголком. На таких можно только стоять, причем в гордом одиночестве.

– Я провожу, – буркнул парень и, не дожидаясь согласия Рады, направился к угловому подъезду. Девушка поразилась такой бесцеремонной наглости, но поспешила следом, даже толком не оглядевшись по сторонам. Впрочем, и смотреть не на что. Двор у дома был самый обычный и ничем не примечательный. Сказать, что дальше провожатые не требуются, Рада просто не успела. Парень уже уверенно открывал кодовый замок на двери.

– Тринадцатая квартира, – заметил он и быстрым шагом двинулся по крутой каменной лестнице с высокими ступенями. В подъезде после полуденной жары оказалось холодно и пахло сыростью. Площадки были большими, а потолки высокими, под три метра. Гулкое эхо цокающих по камню каблучков разносилось по всему подъезду, и становилось жутковато.

– Почему тут так тихо? – удивленно поинтересовалась Рада, пытаясь за банальным вопросом скрыть нарастающее беспокойство. Здесь было неуютно.

– Дом старый, живут одни старики. Но у тебя будет соседка, если захочешь...

– В смысле? – не поняла девушка и даже забежала немного вверх. Привычка выражаться полужесткими и незаконченными предложениями начинала раздражать.

– Дед сдавал ей комнату... художница. Рыжая...

– Какая рыжая художница? – Но парень этот вопрос проигнорировал, замер перед новой металлической дверью и занес руку для звонка.

– Я думала, квартира моя?! – Рада все же забежала вперед и уставилась в глаза новому знакомому. Они оказались самыми обычными, цвета бутылочного стекла, в обрамлении колючих русских ресниц.

– Твоя, – согласился парень и отступил, пытаясь сохранить дистанцию.

Открывшая дверь в квартиру Рыжая была действительно рыжей. Не только кудрявые, собранные в неряшливый пучок волосы, но и ресницы, брови, веснушки на вздернутом носу и даже хитрые кошачьи глаза. Пальцы и те были изляпаны оранжевой краской.

– Ничего себе! – выдохнула она и через порог подалась вперед, восхищенно уставившись на Раду. Художница была невысокой, и, чтобы рассмотреть лучше, ей пришлось встать на носочки. Рыжая бесцеремонно взяла Раду за подбородок и повернула из стороны в сторону, изучая черты лица.

– Прости... – спустя минуту пробормотала она, отступила и спрятала руки за спину. – Просто я... в шоке, если честно... ты поймешь почему. Сейчас!

И она развернулась, намереваясь скрыться в темном коридоре. Взлетела длинная зеленая юбка, и сверкнули пятки, тоже измазанные краской.

– Рыжая, – окликнул ее мой провожатый. – Это Рада – хозяйка квартиры, в которой ты живешь!

– Да поняла я! – раздался приглушенный голос откуда-то издалека, и снова все стихло.

– Пошли, – махнул Раде парень и шагнул в квартиру.

Вспыхнул свет, и они оказались в просторном пустом коридоре. Справа стояли рамы для картин, слева – сами картины, прислоненные к стене, и узкий шкаф. Рада с чувством удовлетворения заметила, что ремонт в длинном коридоре делали, по всей видимости, недавно. На полу новый линолеум, подвесной потолок, а на стенах жидкая штукатурка бежевого цвета. Симпатично, гораздо лучше, чем представляла себе девушка.

– Раньше квартира была коммунальной, потом в ней остался только твой дед. Приватизировал и одну комнату сдал Рыжей. Ему остались две другие. – Мой провожатый уверенно пошел по коридору и остановился еще у одной двери, с врезанным замком. – Степан Григорьевич...

– Кто? – удивилась девушка, увлеченная изучением абстрактной картины на стене.

– Твой дед...

Показалось, в голосе парня мелькнул сарказм и тщательно скрываемая злость.

– А-а-а-а... – Виноватой Рада себя не чувствовала. Даже не стала поправлять, что этот Степан Григорьевич являлся не дедом, а прадедом. Но разве это важно? Неважно и то, что Рада не по своей воле была незнакома с ним.

– Он сделал перепланировку. Внутри много изменено, – продолжил парень, достав из кармана запечатанный конверт и намереваясь вскрыть, но Рада опередила и выхватила его из рук.

– Спасибо, дальше я сама, – отрезала она, прижимая к себе толстый, пожелтевший картон.

Парень взглянул хмуро, но послушно отступил, едва заметно пожав плечами.

– За дверью две комнаты и даже небольшой санузел, – как ни в чем не бывало, продолжил он. – Кухня у вас с Рыжей одна на двоих, если конечно, позволишь ей жить дальше. В конверте ключи и деньги.

– Какие деньги?

– Это плата Рыжей за квартиру. Здесь за все полгода со смерти деда.

– Имя-то у Рыжей есть?

Известие о деньгах улучшило настроение, и Рада улыбнулась, решив, что слишком предвзято отнеслась к своему провожатому. Просто чересчур уж он странный, отталкивающий и навязчивый.

– Я – Алена! Но все меня называют Рыжая или Рыжа, – художница выскользнула из двери напротив и сама ответила на вопрос. В руках она держала массивный холст, оформленный в багет. Рада могла видеть только тыльную сторону картины.

– Что это?

– А вот фиг его знает, – честно ответила художница и развернула холст. – Я рисовала копию...

Рада сначала замерла, а потом отступила к стене, прикрыв рот ладонью. Рыжая держала в руках нарисованный портрет внушительных размеров. Молодая цыганка в белоснежной блузке и цветастой юбке. В волосах алый цветок, на обнаженном плече татуировка – яркая бабочка, а на пухлых, карминовых губах улыбка. Красивая картина, стилизованная под портрет девятнадцатого века. Прописаны искрящиеся золотые серьги и наборные бусы из мелких разноцветных бусин. Рада бы восхитилась и красотой изображенной девушки, и работой мастера, если бы с портрета на нее не смотрела она сама. Только красивой Рада себя не считала, не было у нее в глазах такого огня. Да и цыганской крови практически не было, так, несколько капель, подаривших смуглую кожу, нос с небольшой горбинкой и крупные, черные кудри.

– Откуда у тебя это? – Голос внезапно сел, и Рада откашлялась.

– Нарисовала. – Рыжая, казалось, даже удивилась такому вопросу. – Я же художница. Этот портрет заказал твой дед незадолго до смерти...

– У него не было моих фотографий. Откуда...

– А я рисовала не с фотографии, а с репродукции старинной картины. Точнее, даже не с репродукции, а с ксерокопии страницы какой-то книги. Так ты ее заберешь? Мне-то она ни к чему, а Степан Григорьевич успел расплатиться.

– Так! – Рада взмахнула руками и резко разорвала конверт с ключами. – Не хочу об этом думать. Сначала в душ, потом кофе, потом все остальное! Хорошо?

– Как скажешь! – Рыжая безразлично пожала плечами. Повернула картину к себе, полюбовалась, буркнула под нос непонятное: – Снова, что ли, прилетела?! – и на ходу попыталась что-то стряхнуть с холста.

Дверь ее комнаты хлопнула, и молодые люди остались в коридоре одни.

Рада не знала, что нужно провожатому, но, похоже, он очень хотел попасть в квартиру прадеда. Девушка допускала, что он собирался просто поглазеть.

– Мне неловко об этом говорить, но я хочу в туалет и очень устала. Может быть, мы все же расстанемся? Или ты ждешь за услугу денег?

– Денег? – хмыкнул парень. Одна сторона его губы поползла вверх, и на лице появилась презрительная усмешка. – Нет, спасибо. Мои услуги вряд ли тебе по карману.

Кажется, получилось его задеть. Это к лучшему, некоторых людей можно прогнать только так. Обидев. Правда, на душе после этого стало погано, но, с другой стороны, он виноват сам. Мог бы уже давно уйти и не смущать!

Рада уже облегченно выдохнула, но оказалось, что рано. Парень обернулся у двери и тихо произнес:

– Зря ты сюда приехала. Сидела бы в своей Москве, всем было бы лучше...

Девушка сглотнула, собираясь резко ответить нахалу, но молодой человек развернулся и вышел, а Рада прислонилась спиной к стене, чувствуя, что ноги слегка дрожат. «Откуда такая неприкрытая агрессия? К чему непонятные угрозы?» Ответа на этот вопрос не было.

Глава 2

Кофейные разговоры

Рука с ключом слегка дрожала. Рада входила в бывшую квартиру прадеда с опаской – боялась очутиться в старом, затхлом помещении, пахнущем болезнью и смертью. Ей доводилось бывать в жилище одиноких стариков, и только сейчас девушка осознала, где именно собирается прожить все лето.

Протяжно застонала, открываясь, массивная стальная дверь, из квартиры пахло пылью и, как ни странно, сеном. Неприятных, кислых и тяжелых запахов болезни и старости, которых так боялась девушка, не было.

Нащупав выключатель на стене, Рада зажгла свет и огляделась. Небольшая, около двух квадратных метров, прихожая отделялась от комнаты узким одежным шкафом. На открытой вешалке все еще висела добротная кожаная куртка, не из дешевых. Внизу стояли две пары ботинок, черные и коричневые, – и те и другие начищены. На тумбочке со строгим зеркалом – пара газет полугодовой давности, пачка дорогих сигарилл и перчатки.

Не похоже было, что здесь жил одинокий старик. Казалось, квартира принадлежала уважаемому мужчине средних лет, и он не умер, а вышел погулять или в магазин. О том, что квартира пустует достаточно давно, говорил лишь толстый слой пыли на светлом ламинате.

Рада не стала разуваться, решив, что пол все равно придется мыть, и прошла в погруженную в сумрак комнату, видимо, служившую то ли залом, то ли кабинетом. Занавешенные тяжелыми шторами окна казались особенно унылыми. Рада замерла напротив них и внезапно заметила мелькнувшую за тяжелой тканью тень, очень похожую на человеческую. Крик застрял в горле. «Что за черт!» – пробормотала девушка и кинулась вперед. Чувствуя, как быстрее начинает стучать сердце, рванула шторы и уставилась в пыльное окно, выходящее во двор.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Рада, снова задернула плотную ткань, отступила, но на сей раз не заметила ничего странного. Обычные шторы на обычном окне.

Девушка еще немного постояла, всматриваясь, но потом поняла, что, вероятнее всего, ей почудилось. Рада тряхнула волосами, потерла руками лицо, пытаясь прийти в себя, и продолжила осмотр.

Угловой диван стоял рядом с журнальным столиком. Массивный письменный стол в углу. На полированной, имитирующей камень столешнице девушка, к величайшему удивлению, обнаружила закрытый ноутбук. Стены от пола до потолка занимали стеллажи с книгами.

Дома у родителей тоже имелась неплохая библиотека, но она не шла ни в какое сравнение с той, которую собрал прадед. Можно было насчитать не одну сотню корешков. Рада медленно прошла вдоль полок к окну. Провела рукой по старым шершавым переплетам, даже не обращая внимания на заголовки – она успеет их изучить позже, сейчас же есть лишь время оглядеться по-быстрому. Девушка раздернула темно-коричневые, с золотистым орнаментом шторы, и в большое окно хлынул солнечный свет. В воздухе тут же сверкнули перебивающиеся пылинки, и Рада интуитивно попыталась разогнать их ладонью. «Здесь точно стоит как можно быстрее все вымыть, – решила она, – а то уже в горле першит от пыли».

Квартира удивила. Рада рассчитывала получить свободную, собственную жилплощадь, а оказалась в сундуке с загадками. Здесь было чисто, аккуратно и дорого.

Прадед не бедствовал, и, похоже, находился в здравом уме и твердой памяти, иначе чем объяснить ноутбук и книги? Видимо, Степан Григорьевич не чуждался технического

прогресса. Вторая комната, в которую вела темно-коричневая дверь со стеклом, оказалась маленькой спальней, примыкающей одной стеной к общей кухне. Именно здесь сделали перепланировку, о которой сказал мрачный провожатый. Часть комнаты отгородили, и сейчас там находился индивидуальный санузел. «Ничего примечательного», – заключила Рада, заглянув в приоткрытую дверь. Белая раковина-тюльпан, скромная душевая кабина и унитаз. На батарее до сих пор висит темно-синее полотенце.

Вот сама спальня Раде не понравилась, эта комната была совсем старческой. Узкая кровать на панцирной сетке, платяной шкаф у стены и тумбочка с лекарствами.

– Здесь я спать не буду, – заключила девушка и торопливо вышла. Находиться в спальне было не очень приятно. Рада не могла отделаться от ощущения, что прадед, вполне возможно, умер именно здесь. От этих мыслей по спине пробегали мурашки, и хотелось очутиться как можно дальше.

Вернувшись в зал, девушка испытала облегчение. Присела на широкий диван и наконец-то скинула туфли. Ноги гудели, и нестерпимо хотелось выпить кофе. Рада закрыла на секунду глаза, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя.

Стоило составить план действий. Завтра с утра нужно сходить к нотариусу, а сегодняшний вечер можно посвятить уборке, и хорошо бы купить кровать в спальню, жаль, личных денег у Рады было немного. Девушка торопливо открыла конверт с оплатой за квартиру, который передал парень, и присвистнула, увидев сумму. Потом мысленно поделила ее на шесть месяцев со дня смерти прадеда и решила, что выгонять Рыжую не будет. Если уж она не мешала прадеду, ей точно не помешает, а деньги за аренду квартиры будут очень кстати. Того, что скопилось за полгода, хватит не только на кровать с матрасом, но еще и останется на комфортную жизнь в течение как минимум месяца, а если экономить, и двух. Одна проблема решилась сама собой. Хотя бы работу на лето искать не придется.

Настроение улучшилось. Рада достала из рюкзака открытые сланцы, гель для умывания и новое полотенце – самые важные вещи. Переобулась, умылась и вышла на кухню в надежде раздобыть кофе. На натуральный она, конечно, не рассчитывала, но планировала выпросить у своей квартирантки хотя бы пару ложек растворимого.

Рыжая сидела на подоконнике с чашкой ароматного кофе в руках. Одурачивающий запах плыл по помещению, у Рады даже потекли слюнки. Похоже, художница тоже любила божественный напиток, и не растворимый, а молотый.

– Хочешь? – поинтересовалась Рыжая, лукаво улыбнувшись. – В турке еще осталось, наливай. Чашки – в верхнем левом ящике. Стеклянная, с панорамой города, – его любимая... – с легкой грустью сказала она и тихо добавила: – Я ее подарила на день рождения. Года два назад...

В ее голосе прозвучала тоска, и Раде стало не по себе. Посторонняя девушка, квартирантка, оказалась ближе прадеду, чем она сама. Разве это правильно?

Рыжая прислонилась спиной к откосу. Она отмылась от краски и распустила волосы, которые теперь золотились в лучах солнца и напоминали нимб – мелкие кудряшки, торчащие в разные стороны, словно солнечные лучики. Волосы у Рыжей были довольно длинные и спускались ниже лопаток, но основная их часть сосредоточилась вокруг милостивого лица, по форме напоминающего сердце – острый подбородок, широкие скулы и ямочки на щеках.

– Какой он был? – наконец решилась спросить Рада. Достала из шкафа кружку, про которую говорила новая знакомая, и плеснула в нее все еще ароматный, но уже слегка остывший кофе.

– Странный, – не задумываясь, ответила художница, крепче обхватив глиняную чашку. У Рыжей были короткие ногти, не покрытые даже прозрачным лаком, длинные пальцы и худые запястья с тонкой, фарфоровой кожей, сквозь которую просвечивали голубые вены. Девушка походила на фею – хрупкое, волшебное существо. Ей ли говорить о странности?

– Странный... – Рада усмехнулась и присела на табуретку. – Очень уж расплывчатое определение.

– Поверь, оно ему подходило!

Рыжая спрыгнула с подоконника и поставила кружку в мойку.

– Так ты заберешь картину? – сменила она тему. Видимо, говорить про Степана Григорьевича художница почему-то не хотела.

– Заберу. – Рада пожалала плечами. – Если расскажешь, с чего ты ее рисовала.

– Даже покажу, – ответила она, исчезла за дверью и вернулась буквально через минуту. – Вот!

Рыжая протянула помятый, испачканный масляной краской альбомный лист. Саму картину в раме она прислонила к кухонному шкафчику.

Рада осторожно развернула листок и поняла, что это ничего не дает. У нее в руках оказалась обычная ксерокопия не очень хорошего качества.

– Мне кажется, это сделано из какого-то журнала или из книги... Я еще ругалась, что рисовать копию с ксерокопии репродукции, да еще такого качества, просто невозможно. Здесь же и цвета толком не разглядишь, и лицо хоть и хорошо видно, рисовать неудобно! А он мне тогда ответил: «Алена, ты же девочка талантливая. Уверен, что сама додумаешь так, как нужно!» Я вообще предполагала, что Степан Григорьевич хотел обновить интерьер и поддержать меня. Зимой как раз было плохо с деньгами. Думала, Новый год буду отмечать, в лучшем случае, с бутылкой пива. А тут он так вовремя со своим заказом...

– Здесь вроде бы какие-то буквы. – Рада попыталась разглядеть надпись под копией портрета, но она была очень мелкой, и на буквах стояла большая зеленая клякса.

– Говорю же! Этот портрет из какой-то книги или журнала.

– Странно... а почему у этой девушки на плече нет бабочки? А на твоей картине есть. Тоже желание прадеда?

– Нет... – Казалось, Рыжая немного смутилась, закусил губу, словно размышляя, сказать или нет, но потом отшутилась, улыбнувшись: – Бабочка прилетела сама. Но, согласишься, она неплохо тут смотрится?

– Неплохо, – согласилась Рада. – Ты не против, если я заберу и образец? Вдруг удастся найти, откуда он?

– Конечно, забирай! Зачем он мне? Он и сохранился лишь потому, что я хламьевщица. Убираюсь редко, а уж выкидывать нажитое непосильным трудом добро и вовсе не люблю.

– Даже мятые листочки? – Рада не смогла сдержать улыбку. Рыжая ей нравилась – непосредственная и открытая, с такими просто найти общий язык.

– И их тоже! Против природы не попрешь!

Рыжая улыбнулась и направилась к двери, но Рада ее остановила, спросив:

– Слушай, если ты портрет нарисовала давно, то почему прадед его не забрал?

– Тут вообще странная история. – Художница покорно развернулась и прислонилась к дверному косяку. – После того, как я закончила работу, Степан Григорьевич пришел и посмотрел. Причем изучал очень внимательно, в каждую черту вглядывался, даже проверял слой краски или как мазки положены, я уж испугалась, что не понравилось. Но он похвалил, заплатил даже больше, чем я озвучила, и забрал «Цыганку» себе. А потом... – Рыжая запнулась. – Перед смертью зашел, попросил, чтобы картина пока побыла у меня. Я спросила, долго ли, он ответил, что, вероятнее всего, нет. Еще сказал: «Поймешь, когда отдать будет нужно!» Я тогда не обратила внимания на эти слова, они вылетели из головы. А вечером Степан Григорьевич... – Рыжая замолчала и махнула рукой. – Сегодня я увидела тебя и действительно поняла, что картину нужно отдать.

– Кстати, – добавила девушка. – Не думала, что ты его правнучка. Внучка – еще может быть. Хорошо выглядел, старый черт! – неожиданно весело усмехнулась она. – Я бы ему

больше шестидесяти не дала. Он до последнего преподавал в нашем вузе. Мы там и познакомились. Я вешала объявление о поиске квартиры, а он шел мимо...

– А как он умер? – перебила художницу Рада. Просто этот вопрос не давал покоя.

– Глупо... – С лица Рыжей моментально ушла улыбка. – В тот же день, когда отдал мне картину. Он, когда зашел ко мне, выглядел странно – бледный, отстраненный, но я не придавала значения. Он был странным всегда, да и сама я тоже... – Она помолчала. – От меня он ушел к себе. Поскользнулся и сильно ударился головой в ванной. Его обнаружил Бер буквально спустя полчаса. Степан Григорьевич днем не закрывал дверь, у нас всегда заперта входная. Думаю, к лучшему....

– Бер? – недоверчиво спросила Рада. – Кто это?

– Парень, который тебя привез... – пояснила Рыжая. – Вообще он Артем, но все его зовут Бер.

– А что он там делал?

– А чему ты удивляешься? Они общались. Твой дед вел у них какой-то курс. К нему много студентов приходило, не только Бер. Он никогда не отказывал в помощи, давал консультации и прочее... Никто не ожидал... Вообще, нелепая смерть, особенно для него.

– Почему особенно для него?

– Понимаешь, есть такие люди, от которых исходит сила. Они всегда в центре внимания, они всегда лидеры. К ним тянутся, интуитивно определяя сильнейшего. Такие не погибают, просто поскользнувшись на кафельной плитке.

– Я не знала. – Рада закусила губу. – Мы даже не были знакомы и никогда не виделись.

– Теперь вот узнала, – невесело хмыкнула Рыжая. – Прости, но мне нужно идти. До вечера должна доделать один заказ, если не успею, мне оторвут голову.

– Хорошо. – Рада рассеянно кивнула и взяла в руки все еще пахнущую краской картину. – А мне нужно купить новую кровать, – добавила она себе под нос, предполагая, что Рыжая ее все равно не слышит, но из прихожей тут же послышался звонкий голос:

– Отправляйся в «Сокол» – там самый большой выбор и вменяемые цены! На такси удобнее, если что! Тем более города ты не знаешь, а мне провожать тебя сегодня некогда.

Остаток дня Рада потратила на уборку комнат, выбрасывание старого хлама и покупку кровати. Правда, разобрать или хотя бы проглядеть все бумаги прадеда за один вечер было невозможно. Поэтому девушка даже не пыталась это сделать. Разборку с макулатурой она решила оставить на потом. Сегодня же выбрасывала обычный мусор, протирала пыль, мыла полы и стирала шторы.

Мебель привезли уже после восьми, но сборщики за умеренную плату вошли в положение несчастной, только сегодня приехавшей девушки и поставили кровать часам к десяти вечера. После этого Рада наконец-то смогла выдохнуть свободно. Прадед оказался действительно странным, иначе к чему было в каждый угол пихать непонятные черные мешочки, из которых местами торчала трава или пух. Зато стало понятно, почему в квартире стоял отчетливый запах сена. Таких мешочков Рада насобираала штук двадцать, они были рассованы даже под унитазом и между оконных рам в спальне. В пластиковое окно дед, видимо, засунуть их не смог, поэтому в зале они просто лежали в уголочках на подоконнике.

Генеральная уборка отняла все силы. Зато после нее девушка чувствовала себя в незнакомом месте чуть уютнее. Ужинать она собралась ближе к одиннадцати. Желания что-либо готовить не было, поэтому Рада заварила себе крепкий чай и достала из холодильника купленный днем йогурт. Ближе к двенадцати на кухню выползла чумазая, замученная Рыжая и устало опустила на табуретку.

– Доделала заказ? – спросила ее Рада и получила безрадостный кивок.

– Вот когда пишешь что-то для себя, в удовольствие, то ощущения совсем другие. Можно рисовать сутками и получать прилив силы и вдохновения, но портреты на заказ выма-

тывают невероятно. Чувствую себя, словно выжатый лимон. Но за них платят деньги... Кстати о деньгах, – встрепенулась художница, и ее взгляд прояснился. – Я за этот месяц уже заплатила Беру, а со следующего мне искать квартиру или...

– Если хочешь, оставайся, – махнула рукой Рада. – На тех же условиях. Я не против, и деньги не лишние.

– Вот и замечательно! – Рыжая подскочила с табуретки. – Ты не представляешь, как я тебе благодарна. Очень привыкла к этой комнате. Совсем не хотелось отсюда съезжать. Сегодня весь день была как на иголках и все боялась спросить. Спасибо тебе огромное, теперь я спокойна и смогу уснуть.

Грязный, неопрятный бомж жался к мусорным бакам в тупике узкого переулочка, прикрывая лохматую, давно не чесанную голову руками.

– Тварь! – шипел нависающий над ним уважаемый мужчина – такие обычно передвигаются на «лексусах» и не заглядывают в трущобы. – Что ты собирался натворить?! И ведь почти получилось у гаденыша. Ты понимаешь, что едва все не испортил, урод!

– Лучше, хотел как лучше... – бормотал бомж едва слышно. – Похвала... хотел похвалу...

– Какая, к чертям собачьим, похвала? Убить тебя мало за такие проделки, да руки марать не хочется! С вами связываться – себе дороже! Разрешишь жить, пригреешь под крылом, а вы вечно норовите влезть туда, куда не следует, и испортить то, на что были затрачены колоссальные усилия!

– Лучше, Жорик хотел как лучше!

– Если Жорик хочет сделать как лучше... – Мужчина наклонился к бомжу, заставив того сжаться еще сильнее. – То пусть не лезет туда, куда не просят. Держись подальше. Ты понял? И своим передай: если увижу хоть одного рядом, выгоню всех без права вернуться. Ты понял? – заорал мужчина, схватив за грудки существо, почти не похожее на человека, и, добившись судорожного кивка головой, отступил, брезгливо вытерев ладони чистым платком, который тут же швырнул на покрытый мусором асфальт.

Бомж, дрожащий в углу у мусорных ящиков, грязный, в одежде неопределенного цвета, практически растворялся в окружающей обстановке. Чем сильнее он боялся, чем больше старался стать незаметным, тем сложнее было разглядеть сжавшееся тело. Он, словно хамелеон, мимикрировал, сливался в одно целое с мусорными ящиками, цветастым рваным пакетом на потрескавшемся асфальте и грязно-розовой, облупившейся стеной дома.

– И запомни, когда понадобится ваша помощь, я скажу. До этого сидите тише воды и ниже травы.

Мужчина резко развернулся и вышел из подворотни, а бомж, затравленно оглянувшись по сторонам, принялся выползать из своего ненадежного укрытия. Он передвигался на четвереньках, прижимаясь к асфальту, припадая на пузо и замирая. Его одежда словно слегка меняла цвет, подстраиваясь под общий фон. Грязные руки с отросшими кривыми ногтями дрожали. Он боялся и старался оставаться в тени.

Две усталые женщины с огромными пакетами продуктов прошли совсем рядом с ним, но даже не заметили, только поморщились от резкого, характерного запаха.

Глава 3

Бражник

Густая темная ночь напозднела на город, погружая его в сон. Погасли фонари, освещающие улицы, стихли голоса припозднившейся молодежи, и мир замер, увязнув в черноте. Остались бодрствовать только мелкие жужжащие твари – надоедливые июльские комары, они проникали в любую щель, и Рада, чтобы не доставали ночью, воткнула в розетку фумигатор. Через некоторое время противное жужжание, доносившееся из всех углов, стихло.

Полуденная жара спала, но толстые каменные стены дома прогрелись до такой степени, что в квартире до сих пор стояла духота. Рыжая даже не стала закрывать оснащенное москитной сеткой окно на кухне. Велик был соблазн распахнуть окно и в спальне, но Рада, поразмыслив, все же не рискнула. В незнакомом месте и так спать боязно, а девушка не привыкла ночевать в одиночестве. Дома за соседней стенкой вечно до полуночи перешучивались братья, а здесь она оказалась совершенно одна в незнакомой квартире. Рыжая не в счет, до ее комнаты далеко. Их разделяет длинный, пустынный коридор.

Рада не стала на ночь глядя думать о том, куда можно повесить портрет, подаренный Рыжей. Просто прислонила его к единственной свободной стене, рядом с дверью в туалет. Над письменным столом в зале было подходящее для «Цыганки» место. Девушка решила завтра озаботиться поисками молотка и гвоздя, а сегодня наконец-то лечь спать. День выдался очень длинным и сложным, а с утра к одиннадцати часам нужно идти к нотариусу. Главное – не проспать.

Душно. Сон беспокойный и тревожный. Рада вертелась с боку на бок и постоянно просыпалась. Время тянулось очень медленно. Оглушающе тикали часы на стене, начинала болеть голова. Девушка приоткрыла глаза и откинулась на спину, размышляя о том, что нужно бы дойти до кухни и выпить таблетку.

В комнате было темно, но падающий из окна лунный свет позволял разглядеть детали скудной обстановки. Они выступали черными, кривыми силуэтами около стен, казавшихся серыми. Рядом с портретом девушка увидела едва заметный в сумрачном свете силуэт человека.

Стараясь не закричать, осторожно приподнялась на локтях и с замиранием сердца уставилась на призрачную фигуру. Перед ней замер мужчина крепкого телосложения в обычном домашнем халате. Он наклонился к картине и осторожно, слегка дотрагиваясь, погладил холст. С призрачных пальцев сорвалась настолько яркая искра, что Рада зажмурилась, а когда, пытаясь отдышаться, открыла глаза, уже никого не было. Осталось лишь ощущение холода, пробежавшего по спине, да едва уловимый незнакомый запах.

Она внимательно посмотрела вокруг, подошла к картине и протянула руку к холсту, как это делал призрак несколько секунд назад, но ничего не произошло. Пальцы ощущали лишь неровную поверхность. Масляные краски были наложены широкими, рельефными мазками. Рада не видела саму картину, но чувствовала, как она нарисована. Рыжая действительно обладала впечатляющим художественным талантом. Только вот что за чертовщина творилась здесь секунду назад?

Девушка потерла виски руками, поняла, что голова уже не болит, а значит, и нет необходимости тащиться на кухню за таблеткой, еще раз бросила взгляд на картину и устало опустила на кровать. Теперь, окончательно проснувшись, Рада не понимала, сон или явь она видела несколько минут назад. Разум говорил о том, что призрачная фигура – всего лишь сон, но, с другой стороны, уж очень реальной она выглядела.

После пригрезившихся странностей Рада не думала, что сможет уснуть. Но едва только ее голова коснулась подушки, девушка отключилась, успев заметить сквозь закрытые веки очередную вспышку, но открыть глаза уже не смогла, вязкий, липкий, словно подтаявшая на солнце жвачка, сон не отпускал. Он затягивал, прижимал к подушке, не давал нормально вздохнуть.

Стало страшно, холодный ужас стек струйкой пота по спине, а левое плечо обожгла боль, от которой захотелось кричать. Казалось, что к коже прислонили раскаленное клеймо. С губ сорвался крик, и Рада инстинктивно схватилась за обожженное место, просыпаясь. Резко села на кровати, не открывая глаз и тяжело дыша. Провела рукой по плечу и, не почувствовав боли, снова рухнула на смятую постель и моментально уснула, подложив ладонь под щеку и натянув на голову одеяло.

Утром девушка проснулась от солнечных лучей, бьющих в глаза сквозь неплотно прикрытые светлые занавески. Она потянулась, с содроганием вспоминая кошмары, преследовавшие ее всю ночь, и спустила ноги с кровати, протирая заспанные глаза. Судя по ощущениям, проснулась она намного раньше будильника, заведенного на девять утра.

Рада нащупала мобильник на прикроватной тумбочке и посмотрела на время. «Так и есть. Рань несусветная – семь сорок пять». Несколько минут она разглядывала босые ступни с ярким летним маникюром и размышляла, не поспать ли еще. Девушка уже почти улеглась обратно в кровать, когда ее взгляд зацепился за прислоненный к стене портрет. Сон как рукой сняло – слишком уж яркими были воспоминания о том, как кто-то стоял возле него ночью.

Рада подскочила с кровати, не глядя на картину, отправилась в ванную и попыталась убедить себя, что ночью ее преследовали лишь обычные кошмары. Девушке удалось достаточно быстро взять себя в руки. На самом деле, кто мог проникнуть в квартиру? Дверь заперта, окна закрыты. «Все это несусветные глупости!» – решила она и запретила себе об этом думать, со вкусом потянулась и пошла умываться. Большое зеркало с узким шкафчиком под косметику отражало заспанную физиономию, на которой самым примечательным был нос с едва заметной горбинкой – яркое доказательство цыганских корней, о которых в семье уже давно никто не помнил. Рада считала свой нос большим, но все остальные ее сомнения не понимали и гордо именовали его аристократическим. Девушка не спорила, к тому же он делал интереснее ее миловидную, но все же заурядную внешность. Глаза цвета горячего шоколада, мягкая линия подбородка и высокие скулы – чуть интереснее, чем привычные для средней полосы России русые волосы и светлые глаза. Но все равно скучно! Вот и приходится вносить разнообразие в свою внешность с помощью ярких, цветастых шарфов, летящих юбок и авторской бижутерии. Рада предпочитала не упоминать, что автором украшений, как правило, являлась она сама – немного стеснялась своего хобби. Она знала людей, у кого «цацки» получались намного лучше, и это не давало покоя.

Девушка уже вытерла лицо полотенцем и собралась выходить, когда заметила темное пятно у себя на левом плече, повернулась, чтобы рассмотреть получше, и обомлела. На смуглой коже распахнула крылья бабочка величиной с донце средних размеров чашки – красивая, словно живая, с черно-оранжевыми крыльями и полосатым тельцем. Точно такая же, какая была изображена на портрете цыганки. Рада вскрикнула, попыталась смыть ее с плеча, но ничего не получилось. Рисунок ввелся в кожу, словно татуировка.

Девушка выскочила в коридор и кинулась к портрету, чтобы с ужасом заметить, что на плече цыганки сейчас гладкая ровная кожа. «Бабочка просто исчезла или перелетела на мое плечо?»

«Да что же творится?!» – всхлипнула Рада и, не соображая, что делает, с бешеным криком: «Рыжая!» выскочила в коридор, прямо как была, в веселых розовых пижамных шортиках и коротком топе на тонких лямках. Подбежала к комнате художницы и, не замечая выступивших на глазах слез, со всей мочи забарабанила кулаком в дверь. Через секунду щелкнул

замок, и на пороге появилась заспанная, взлохмаченная Рыжая с выражением недовольства на лице.

– Что надо? Я сплю! – невежливо буркнула она, даже не пытаясь открыть глаза.

– Смотри! – Рада расплакалась в голос и ткнула пальцем себе в плечо, тихо надеясь, что бабочка испарилась. Лучше показаться дурой, чем поверить в реальность происходящего. К сожалению, бабочка оставалась на месте – все такая же красивая, неподвижная и один в один похожая на ту, которая раньше была изображена на картине Рыжей. – Что это такое?

– Ничего себе! – Художница все же открыла глаза и теперь с интересом разглядывала плечо своей новой соседки. При этом она выглядела удивленной, но не шокированной, что настораживало.

– Удивительно...

– Конечно, удивительно! – Голос Рады, обычно низкий, сейчас повысился до сопрано. – Она еще вчера была на картине, а сегодня уже у меня на плече. Как такое вообще может быть?!

– Они, конечно, улетали и раньше... – задумчиво пробормотала Рыжая себе под нос, – но никогда на живого человека... очень-очень странно...

– Что? Что ты такое говоришь?

– Поставь, пожалуйста, кофе, а то как-то плохо соображается, а я пока оденусь и причешусь хоть, что ли... – Художница со вздохом запустила пальцы в торчащие в разные стороны волосы и закрыла дверь, а Рада, удивленно хлопая глазами, осталась стоять в коридоре, размышляя над тем, что новая знакомая обладает удивительной способностью – не замечать вопросы, которые ей не нравятся.

Делать было нечего, и девушка, стараясь не думать о странностях этого утра и ночи, отправилась на кухню по заказу Рыжей варить кофе. Судя по всему, соседка что-то знала, только вот Рада подозревала – объяснение ей вряд ли понравится.

Кофе девушка варила на автомате, привычно, по маминому рецепту с небольшими собственными усовершенствованиями. Сначала на дно турки насыпала три ложки с горкой ароматных, уже перемолотых зерен, потом кинула ложку сахара – он почти не давал сладости, но гасил излишнюю горчинку. Затем налила холодной фильтрованной воды и поставила на маленький огонь, внимательно наблюдая за скапливающейся по краям турки пенкой. Она должна стать густой и подняться. Главное – не упустить момент и вовремя выключить, не позволив напитку закипеть. Когда высокая пенка поползла вверх, Рада выключила газовую конфорку и кинула в почти готовый кофе корицы – совсем немного, на кончике чайной ложки.

Простое, привычное занятие подействовало благотворно. К приходу Рыжей волнение почти прошло, слезы высохли, руки перестали дрожать, и девушка уже размышляла над тем, что скажет родителям. За татуировку папа прийдет, а в ночную историю просто не поверит.

– Как пахнет! – Рыжая появилась, видимо, учуяв запах, и тут же схватила большую кружку, в которую уже был налит кофе. – Ты волшебница! – Она довольно зажмурилась, пригнувшись и делая осторожный глоток. Похоже, кофе смирил художницу с ранним пробуждением, по крайней мере, на ее лице сейчас появилась довольная улыбка.

Рада налила остатки кофе себе и присела на табуретку напротив.

– Рассказывай, – потребовала она.

Рыжая вздохнула, поморщилась и попыталась пригладить торчащие в разные стороны золотистые пружинки волос.

– Понимаешь... – Она посмотрела на Радку глазами, полными тоски, как человек, которому сейчас придется сознаться в постыдном поступке. – Ты только сразу меня не посылай далеко и надолго. Хорошо? Я бы тебе никогда не рассказала, если бы... – Она указала чашкой с кофе на плечо Рады. – Иногда, когда я рисую, мои картины оживают...

– Что? – Рада посмотрела на новую знакомую, как на умалишенную.

– Я же просила! – обиделась художница. – Понимаю, что звучит странно! Ну а я что сделаю? Я стала замечать эту свою особенность, еще когда ходила в художественный кружок. Подобное происходит только с работами, в которые я действительно вкладываю душу. Поэтому и рисую чаще всего природу или портреты. Портреты не оживают, даже если я рисую того, кто мне очень симпатичен, например фанарты по сериалам. Возможно, потому что у создаваемого мной образа уже есть реальный прототип. А вот бабочки... бабочки с моих картин улетают с завидной регулярностью... Но я никогда не видела, чтобы они улетали с одной картины на другую, тем более на живого человека! Правда-правда!

– Что у тебя оживает, кроме бабочек? – мрачно пробормотала Рада, понимая, что рано радовалась адекватной и милой квартирантке. В соседки ей досталась сумасшедшая.

– Один раз рисовала осень в парке... – хмыкнула Рыжая. – Потом полдня выгребала опавшие кленовые листья! Чтоб ее! Пришлось перерисовывать! Так они до сих пор летают, но сейчас хоть внутри картины. Хочешь, покажу?

– Да ну тебя! – Рада нахмурилась, идти с сумасшедшей никуда не хотелось.

– Не веришь, – заключила Рыжая и резко поднялась, со стуком поставив на стол кружку.

Она убежала так быстро, что не было времени даже извиниться. Художница, видимо, обиделась, но чушь, которую она несла, была несусветной. Кто бы в нее поверил?! Впрочем, Рада ошибалась, соседка оказалась не обидчивой, а просто странной. Она вернулась через минуту с большой картиной в руках. Похоже, все свои шедевры Рыжая хранила дома.

– Смотри! – гордо ткнула она пальцем в усыпанную желтой листвой аллею, ведущую в глубину осеннего парка к старому бронзовому фонтану в виде нескольких пухлых младенцев с кувшинами вокруг каменного цветка. Красивый пейзаж, но самый обычный. Рада с улыбкой посмотрела на аллею и охнула. По полотну словно пробежала рябь, подул едва заметный ветер, и листья на дорожке разлетелись по сторонам, обнажив темно-серый мокрый асфальт.

– Они всегда так. – Рыжая махнула рукой, не обращая внимания на потрясенный взгляд Рады. – К вечеру снова засыплет всю аллею. Такая работа хорошая! – обреченно покачала головой художница. – Только вот кому ее продашь такую-то? Стоит у меня в углу.

– Я думаю, такая она стоит еще дороже... – Справиться с шоком не удавалось, и Рада сидела с открытым ртом. В голове не укладывалось, что все это происходит на самом деле.

– Нет уж. – Художница даже отступила на шаг и нахмурилась. – Не хочу попасть в какую-нибудь лабораторию... я лучше уж буду молчать и тебе советую. У нас в городе спокойно относятся к колдунам и ведьмам, некоторые даже в дома с привидениями верят, но, думаю, Расскажи я о своих картинах, мигом упекут в «дурку». Вот я и молчу... так спокойнее.

– Это невероятно, такого не бывает... – Рада потрясенно покачала головой.

– Ага, – невесело хмыкнула Рыжая и достала из кармана пачку тонких сигарет с темным фильтром. – На свое плечо посмотри! Очень удобно не верить в странные вещи, если не являешься их частью. Когда они происходят непосредственно с тобой, это сделать намного сложнее. Ну, прилетела тебе на плечо бабочка, смиришься, и главное, не беги никому рассказывать. Хорошо вот, тебе попала невпечатлительная я, а так могла бы мигом оказаться в смирительной рубашке. С такими вещами стоит быть осторожнее.

– Ты права. – Рада затравленно покосилась на сигарету, зажатую в тонких пальцах Рыжей, сглотнула, но просить не стала. Она не курила и не собиралась. Только поступив на первый курс, пробовала и почти втянулась, но быстро поняла, что ей это не нужно, а сейчас вот захотелось закурить. Наверное, от нервов и переизбытка впечатлений. Но совершенно ни к чему.

Рыжая докурила и обратилась к соседке:

– Дай я повнимательнее рассмотрю твою бабочку. Как интересно... – Художница наклонилась так близко, что практически возила носом по плечу. – Судя по характерному рисунку на теле, напоминающему человеческий череп, это ночная бабочка, бражник или, как его еще называют, «мертвая голова».

– Мертвая голова?! – Рада передернулась. – Жуть какая!

– Это еще не самое жуткое... – Художница закусила губу. – Есть новость похуже. Я не знаю, откуда она взялась сначала на портрете, а потом у тебя на плече. Но точно могу сказать – я ее не рисовала...

– Ты же говорила...

– Да, но я никогда не рисовала бражников... Вчера на картине я заметила бабочку в первый раз, даже разглядывать детально не стала. Появилась и появилась, хорошо хоть не на носу. Разместилась гармонично на плече, переделывать не надо. Говорю же, с моими картинами такое бывает... Понимаешь, я ее не рассматривала, а сейчас вижу... это настоящий бражник, все полосочки на месте, рисунок на крыльях, череп... Нет, я не рисовала.

– Но знаешь, как он выглядит?

– Знаю, я же художница. Мне свойственно подмечать детали.

– А что же это тогда такое?

– Представления не имею, но могу сказать, что, кроме меня, картину видел и трогал только твой прадед.

– Мне нужно понять, кто изображен на картине и откуда там взялась бабочка, – категорично заявила Рада. – Иначе спать спокойно не смогу! Так хоть за делом буду.

– Я тебе помогу, – пообещала Рыжая. – Чувствую себя в некотором роде виноватой. Откуда начнем поиски?

– Сейчас ниоткуда. – Рада сокрушенно покачала головой. – Мне нужно к нотариусу. Боюсь, что уже опаздываю. Опять придется вызывать такси!

– Ну ладно, тогда подумаем над этим вечером, – согласилась Рыжая. – И послушай моего совета. Не заморачивайся. Пока тебе бабочка ничем не мешает.

– Вот именно. Пока...

Глава 4

Городской вояж

Кафе «ОкулоFF» было маленьким и незаметным. Оно располагалось на цокольном этаже здания, принадлежавшего одной из крупнейших в городе нотариальных контор, и имело невзрачный вход со стороны заднего двора. Зато внутри заведение отличалось дизайнерскими интерьерами и изысканной кухней. Здесь царила атмосфера начала двадцатого века – все еще ощущался дух вычурного викторианства, но его уже теснили простые и строгие формы, которые пришли вместе с индустриализацией и техническим прогрессом.

Сюда не мог заглянуть случайный прохожий. Кафе «ОкулоFF» являлось заведением для избранных и не нуждалось в дополнительной рекламе. Сейчас в помещении было немного посетителей. Звучала ненавязчивая музыка, не заглушающая неспешные разговоры. По залу плыл запах свежесваренного кофе и дорогих сигарет. Кафе словно застыло во времени. Тут почти не чувствовалось веяние прогресса, даже телевизора не имелось, и посетители, обладая достаточно развитым воображением, могли представить, будто песня доносится не из колонок, а исполняется вживую.

Несколько клерков пили кофе. Они, словно братья-близнецы, отличались друг от друга лишь цветом галстуков и оттенком костюмов. Среди посетителей привлекали внимание двое. Первый – русоволосый парень, словно сошедший с обложки глянцевого журнала. Он тоже был в белоснежной рубашке и идеально подогнанном сером костюме, но без галстука. Молодой человек выделялся наглым, вызывающим взглядом пронзительно синих глаз. Он сидел откинувшись на спинку стула и неторопливо пил кофе. Видимо, никуда не спешил и вряд ли здесь работал. Слишком отчетливое презрение читалось на его лице, когда он бросил взгляд на очередного менеджера, суетливо допивающего кофе и ежеминутно косящегося на часы.

Второй выделяющийся из толпы посетитель больше походил на туриста, а не на клерка. Молодой человек положил ноги на стол, покрытый белоснежной скатертью, и увлеченно что-то набирал на планшетном компьютере. На парне была черная майка-борцовка, узкие джинсовые шорты и легкие кожаные сланцы. Солнечные очки, которые использовались как ободок, удерживали темные волнистые волосы и не давали им сползти на глаза. На парня косились снисходительно и неприязненно даже официанты, здесь привыкли совсем к другим посетителям – красивым, дорого одетым женщинам и мужчинам в костюмах.

Хлопнула стеклянная дверь, которая соединяла помещение кафе и нотариальную контору, и в зале появилась высокая блондинка с волосами, забранными в гладкую прическу. Женщина лет тридцати была красива и, несмотря на жару, соблюдала дресс-код. Ее вишневого цвета строгий костюм сидел идеально, как и замшевые лодочки на высоченном каблуке.

София Морозова являлась правой рукой владельца нотариальной конторы – Дмитрия Сергеевича Окулова. Софию уважали, побаивались и про себя звали кто Снежной королевой, а кто Снежной бабой, но она не обращала внимания ни на первых, ни на вторых. Женщина обвела пристальным взглядом мигот притихших клерков, бесцеремонно хлопнула по плечу нахального парня в шортах и прошипела:

– То, что тебя взяли программистом, не является поводом вести себя, словно свинья! Ноги со стола убери!

Бросив это, она, не останавливаясь ни на секунду, двинулась в глубь зала. Новый программист скорчил недовольную гримасу, но ноги со стола все же убрал и снова уткнулся носом в планшет.

– София, какая приятная неожиданность... – Мягкий баритон заставил женщину поежиться, но она все же выдавила из себя приторную улыбку:

– Нет, неожиданность – это твое присутствие в городе, а не мое...

– Не скажи, я, как и ты, предпочитаю жить здесь.

Молодой человек жестом пригласил Софию присесть. Она на секунду задумалась, но потом грациозно опустилась на услужливо отодвинутый официантом стул. На ее лице застыло любезное, но настороженное выражение. Несмотря на то что парень был как минимум на пять лет младше ее, София заметно его опасалась.

– Но, тем не менее, в последнее время ты отсутствовал, – осторожно заметила она, внимательно рассматривая парня кошачьими, зелеными глазами. Словно пыталась прочесть ответ у него на лице.

– На то имелись причины, поверь... и я не собираюсь тебе о них рассказывать.

– Меня не интересует, почему тебя здесь не было. – София взяла себя в руки, и сейчас ее голос звучал жестко и холодно. – Все вздохнули с облегчением, поверь. Многих гораздо больше интересует, зачем ты сейчас вернулся в город. Что ты здесь делаешь?

– Завтракаю, – слегка улыбнувшись, ответил молодой человек и демонстративно приподнял небольшую белую чашку с дымящимся эспрессо. – Думаю, ты согласишься, что лучший кофе в городе делают именно здесь. Вот, зашел по старой памяти. Изменилась вывеска, название и интерьер, но, как я и предполагал, традиции сохранились. Не думал, что мой визит вызовет такой ажиотаж, и сама София Морозова спустится составить мне компанию...

– Не лсти себе, – презрительно бросила женщина. – Я, как и ты, просто зашла выпить кофе. Он ведь достаточно хорош, чтобы заставить тебя вернуться спустя столько времени. – Она недоверчиво усмехнулась, принимая из рук официанта высокий бокал с пенящимся латте.

– По-моему, достойная причина.

Молодой человек улыбнулся, поднимаясь со стула. Светлые волнистые волосы упали на лоб. Несмотря на короткую, аккуратно уложенную стрижку, челка все равно непослушно лезла в глаза, придавая строгому образу некую бесшабашность.

София невольно засмотрелась на сильную шею в вырезе белоснежной рубашки.

– Любуешься? – усмехнулся молодой человек, проследив за взглядом.

– Изучаю...

– Всегда к твоим услугам. – Он небрежно кинул деньги за кофе на стол и, отвесив женщине шуточный поклон, вышел.

София напряженно посмотрела синеглазому вслед, сделала глоток латте и, едва за ним закрылась дверь, поспешно встала, достав из сумки мобильный телефон.

– Дмитрий, у нас проблемы, – напряженно заметила она, уверенным шагом продвигаясь к стеклянным дверям, ведущим внутрь здания. – Источники не соврали. Александр в городе. Нужно быть начеку, подозреваю, он захочет спутать нам все планы.

София убрала телефон в алую сумочку и машинально поправила волосы. Женщина уже взялась за ручку стеклянной двери, но тут ее взгляд упал на программиста, который опять, как ни в чем не бывало, развалился на стуле, нервируя своим пляжным видом и позой заядлого бездельника. София терпеть не могла устроившихся по благу мелких нахалов. Парень раздражал невероятно, будь ее воля – уволила бы его прямо сейчас, но пришлось только ядовито заметить:

– Мальчик, тебя работа не заждалась? Перерыва еще не было!

– Тетенька, – язвительно парировал он, не поднимая глаз от экрана планшетника. – Я работу могу и тут работать, а вы мне мешаете!

Парень демонстративно помахал планшетником, показывая, где сосредоточена вся его работа, и Софии не осталось ничего, кроме как уйти, хлопнув стеклянными дверями.

Нахальный программист сегодня являлся меньшей из возможных проблем. Она еще успеет сказать в споре с ним последнее слово.

* * *

Конечно, после всех утренних мистических событий Рада опаздывала. Не хватило времени даже подобрать соответствующие украшения к коротким джинсовым шортам и свободному коричневому топу, девушка надела любимые медные браслеты с бусинами и первую попавшуюся висюльку на шею – крупный – бирюзовый камень на затемненной цепочке из непонятного металла. Торопливо сунула ноги в высокие ажурные сапоги из мягкой шоколадной кожи, схватила объемную сумку с кучей милых сердцу безделушек и выскочила за дверь, на бегу крикнув Рыжей: «Пока!»

Такси уже ждало у подъезда и спасло Раду от позорного опоздания. В результате к нотариусу она успела даже чуть раньше назначенного времени. Всю дорогу девушка сдерживалась, чтобы не начать грызть ногти от волнения и нетерпения. Казалось, такси движется очень медленно, а секунды убегают с невероятной скоростью. Чтобы лишний раз не дергаться, на часы Рада во время пути не смотрела. Поэтому удивилась, заметив, что до приема у нотариуса осталось еще больше десяти минут, а она уже прибыла на место.

Нотариальная контора, в которой ей назначил встречу Дмитрий Сергеевич Окулов, располагалась в исторической части города, не очень далеко от квартиры, полученной Радой в наследство.

Здесь не было новостроек и пугающих зданий из стекла и бетона. Мощенная бульжником дорога, сохранившаяся еще, наверное, с дореволюционного времени, старые липы с побеленными стволами по краю тротуара и ощущение замершего времени. Визуально все здания – невысокие и отреставрированные – относились к девятнадцатому – началу двадцатого века. На первых этажах располагались разные фирмочки и маленькие магазинчики, а верхние этажи почти все были жилыми. Нотариальная контора находилась в угловом двухэтажном доме с белыми колоннами и занимала оба этажа. В старинном особняке странно смотрелась белая пластиковая дверь со стеклом и черная вывеска с серебряными буквами – они выбивались из общего стиля провинциального города девятнадцатого века.

Девушка замерла на тротуаре, разглядывая здание и не решаясь зайти внутрь, перед глазами поплыла дымка, и на секунду мир вокруг преобразился – исчезли вывески, фасады зданий посветлели, а за спиной Рада услышала цокот копыт по брусчатке. Девушка испуганно обернулась, но лишь с неудовольствием заметила на парковке перед зданием знакомый мотоцикл, сверкающий на летнем солнце хромировкой. Медленно повернулась лицом к нотариальной конторе, но и она выглядела обычно.

Рада испуганно подумала, что в последнее время ее сознание творит странные вещи. Это пугало, но не больше, чем вчерашний мрачный провожатый. С ним встречаться не хотелось. Но здание нотариальной конторы большое, не сложно будет разминуться с неприятным владельцем хромированного монстра. Правда, мечты не сбылись. С Бером девушка столкнулась в дверях, из которых он выскочил с такой скоростью, что едва не сбил ее с ног.

Рада пискнула и отскочила в сторону, но не дождалась ни извинений, ни элементарного приветствия. Бер пролетел мимо и вскочил на свой мотоцикл. Казалось, парень не переодевался со вчерашнего дня – та же темно-серая водолазка с высоким горлом и потертые джинсы. «Грубиян!» – пробормотала себе под нос девушка и вошла внутрь, сердито хлопнув дверью. На душе остался неприятный осадок. Хоть Раде и не понравился вчерашний провожатый, но он мог хотя бы сказать: «Привет!» Обычная, ни к чему не обязывающая вежливость. Обидно, что единственный знакомый парень в этом городе даже не счел нужным поздороваться!

У нотариуса было скучно. Раду в холле встретила высокая стройная дама, будто шагнувшая из сериала про юристов: бордовый костюм со слишком откровенным для офиса декольте, профессионально подведенные кошачьи глаза и платиновые волосы. Знающая себе цену Снежная королева. Рада даже почувствовала холод, исходящий от нее. По спине пробежали мурашки – неприятное ощущение, которому девушка постаралась не придавать значения.

Женщина с вежливой улыбкой усадила Раду в кресло и попросила чуть-чуть подождать. «Чуть-чуть» растянулись в полчаса, которые девушка коротала, пролистывая старый журнал о жизни звезд. Кроме него на журнальном столике лежали только местные газеты и какое-то финансовое обозрение. А планшетник, хорошо помогающий скрасить часы ожидания, как назло, остался дома.

К счастью, время ожидания наконец-то подошло к концу, и следующие полчаса Рада слушала и пыталась не утонуть в потоке информации. Из кабинета вышла с ворохом бумаг и кучей наставлений. Предстояло посетить десяток местных инстанций, и все это вызывало тоску и головную боль. Зря девушка надеялась, что вступление в права наследования – это быстрый и безболезненный процесс. К тому же времени для сбора всех документов было не так уж и много.

Нотариус с незапоминающимся лицом объяснял что-то про полгода со дня смерти завещателя, но девушка не вникала, уловив только, что на все про все у нее чуть меньше двух недель, а некоторые справки делаются небыстро, поэтому заказать их нужно вот прямо сейчас, а лучше вчера.

В коридоре Рада постаралась запихнуть все тридцать три бумажки в объемную, но не предназначенную для переноски документов сумку и, конечно же, рассыпала листы по полу, выругалась и принялась сгребать их в одну кучу, проклиная себя за неуклюжесть. Сидя на пыльном полу нотариальной конторы и пытаясь сложить стопкой ворох бумаг, девушка чувствовала себя неловкой коровой и испытывала единственное желание – убежать отсюда как можно дальше.

– Позволите? – голос низкий, бархатный, заставивший вздрогнуть, прозвучал где-то совсем близко. Рада вскинула голову и увидела перед собой пронзительно-синие глаза с темно-серыми вкраплениями возле маленького, со спичечную головку, зрачка. Цвет радужки был настолько неестественным, будто светящимся изнутри, что девушка даже не смогла сначала разглядеть лицо их обладателя, только замороженно кивнула в ответ на предложенную помощь.

Молодой человек лет двадцати пяти в идеально сидящем сером костюме-тройке ловко собрал все листы и с улыбкой протянул их Раде. Сердце забилось так часто, что казалось, разорвет грудную клетку, а по губам расплылась глупая улыбка. Парень был красив. Светлые, коротко подстриженные волосы, волевой подбородок с небольшой ямочкой, открытая улыбка и светящиеся глаза – оказывается, в городе живут не только хмурые, недовольные буки.

Рада, не отводя взгляда от лица незнакомца, замороженно кивнула и хрипло пробормотала «спасибо», а парень весело ответил:

– Не за что, – и исчез в коридоре, оставив после себя шлейф дорогого древесного парфюма.

– Нужно было ловить... такие не каждый день пробегают мимо, – задумчиво пробормотала Рада и на негнущихся ногах двинулась к выходу. «Интересно, каковы шансы, что мы где-нибудь встретимся вновь? Я ведь даже не узнала, как его зовут...»

После полумрака офисного коридора на улице оказалось ослепительно ярко и тепло. В старом здании с толстыми стенами и небольшими окнами даже летом не исчезла влажность, и Рада немного замерзла, поэтому сейчас с удовольствием жмурилась под обжигающими

лучами. Через час она их, конечно, проклянет и будет мечтать оказаться в тени, но пока было просто хорошо, и девушка старалась не думать о том, насколько утомительна может быть летняя пыльная жара.

Встреча с синеглазым незнакомцем значительно улучшила настроение, и девушка решила не брать такси до дома. Рыжая примерно объяснила, как добраться, и даже нарисовала вмятную карту на помятом листе бумаги в клетку. Нужно было начать изучение города, в котором Рада планировала провести ближайшие два месяца. В конце концов, ездить на такси летом – преступление против здорового образа жизни.

Пока неспешно брела по раскаленному солнцем асфальту, девушка успела позвонить маме и наврать про практику, испытать прилив угрызений совести, перезвонить Кириллу и рассказать правду, избегая упоминаний о мистических событиях. Поплакаться из-за нелюбви лгать родителям, получить шуточные наставления, щедро сдобренные Димкиными язвительными комментариями, и немного успокоиться. Кирилл прав. Раз уж задумана ложь, нечего сворачивать с середины пути. В конце концов, папа и мама тоже неправы. Неужели хорошая квартира будет лишней? Вряд ли они могут обеспечить троих детей жилплощадью, так какой смысл вставать в позу из-за ссоры, случившейся восемнадцать лет назад? Тем более один из ее участников уже почти полгода как умер. Этого Рада не понимала.

Она задумалась и, не посмотрев по сторонам, двинулась по пешеходному переходу, лишь краем глаза отметив белые полосочки на проезжей части. Неожиданно плечо обожгла такая боль, что девушка резко замерла, схватившись рукой за рисунок бабочки. Она затормозила лишь на миг, но этого мгновения хватило, чтобы оценить ситуацию и резко отпрыгнуть назад на тротуар, едва не сбив подошедшую к переходу старушку. По тому месту, где секунду назад стояла Рада, на полной скорости пронесся огромный черный джип, массивные колеса чиркнули по бордюрным кирпичам. Автомобиль мог раскатать ее по раскаленному асфальту так, что не осталось бы даже мокрого пятна.

Сзади возмущенно выругалась бабка, проклиная на чем свет стоит водителя, все автомобили и технический прогресс в целом, а Рада поняла, что не может ей даже ответить. Дыхание вырывалось со свистом, к глазам уже не первый раз за день подступили слезы, а ладони стали влажными от пота.

Она, сдерживая рыдания, на негнущихся ногах отошла в сторону, нервно сглотнула и попыталась отдышаться и прийти в себя. Уже второй раз в этом городе она оказалась на волосок от смерти. Вчера ее спас Бер, а сегодня – появившаяся на плече странная бабочка. «Что за чертовщина такая творится? Как подобное может быть? Откуда боль, и почему так вовремя? – панически размышляла девушка и с тоской смотрела на дорогу. – У меня началась черная полоса? Или еще что похуже?»

Рада уже почти решила взять до дома такси и больше не искушать судьбу, но потом передумала, убедив себя, что все неприятности случайны и не стоит забивать ими голову. Девушка была далека от различных мистических учений и не любила сдаваться. Мир вокруг виделся простым и понятным, и пусть он таким и остается.

Придурков, которые не тормозят перед «зеброй», много, и не только здесь. Недаром папа – водитель со стажем, сам всегда уважающий пешеходов – не раз говорил Раде, что машина большая и железная, а дочь у него хрупкая. Поэтому, независимо от правил, «больших и железных» стоит пропускать, а по пешеходному переходу идти только тогда, когда все автомобили уже остановились. Простое правило, которое спасает жизнь. Сейчас девушка про него забыла и едва не пострадала. Нет смысла искать в этом эпизоде еще какую-то подоплеку, во всем виновата невнимательность и халатность.

Но настроение испортилось, и Рада недовольно побрела к ближайшему светофору, решив сегодня больше не экспериментировать с прогулками по нерегулируемым «зебрам». Лучше пять минут постоять и перейти дорогу в толпе.

Чтобы немного себя подбодрить, девушка зашла в небольшой уютный магазинчик за мороженым. Внутри народа практически не было – молодая мама с ребенком и странная женщина средних лет, отсутствующим взглядом уставившаяся на входную дверь. Посетительница в теплом, не по погоде, бежевом плаще стояла в центре зала, словно статуя, не замечая никого вокруг. Рада, стараясь не выдать свою заинтересованность, обогнула неподвижную фигуру и остановилась у прилавка, дожидаясь, пока мальчишка лет шести выберет мороженое. Занятие это оказалось ответственным. Малыш менял свое мнение раза три, в результате его мать не выдержала и купила эскимо на свой вкус. Ребенок схватил разноцветный пакетик, резко развернулся и, даже не посмотрев по сторонам, кинулся к выходу. Рада хотела его осадить, испугавшись, что ребенок налетит на женщину, замершую прямо у него за спиной. Резко обернулась, но мальчишка уже открывал дверь. Центр зала был пуст.

Мимо Рады пробежала молодая мама, поспешно засовывая деньги в кошелек, а девушка так и осталась стоять с открытым ртом. Было совершенно непонятно, куда делать еще одна посетительница.

– Вы что-то хотели или так, постоять зашли? – не очень вежливо окликнула Раду продавщица.

– Да, конечно. – Девушка медленно обернулась и ткнула пальцем в шоколадное эскимо.

– Дети, они такие. Шумные и непосредственные, – по своему растолковала недоуменный взгляд продавщица. – Появятся свои, и чужих будете воспринимать спокойнее.

– Что? – не поняла Рада, а потом, сообразив, о чем говорит продавщица, с улыбкой покачала головой. – Нет... я люблю детей, просто испугалась, что малыш собьет женщину, которая стояла на проходе, а ее уже и нет.

– Так и не было больше никого. – Продавщица пожалала полными плечами. – Малой с матерью, да вы зашли. Померещилось с жары, наверное.

– Наверное... – потрясенно пробормотала Рада и, на автомате взяв мороженое, вышла на улицу. После случившегося в магазине стало совсем нехорошо. Чем дальше, тем больше странного происходило в этом городе. На минуту даже захотелось отправиться не в квартиру, а напрямик на электричку до Москвы, но потом девушка вспомнила, что придется объясняться с мамой и папой. И не только из-за практики, про которую она наврала, но и по поводу бабочки на плече, и решила, что не стоит торопить события.

По дороге она зашла в несколько указанных в списке инстанций и, просидев у кабинетов в общей сложности несколько весьма неприятных часов, добралась до дома ближе к шести вечера, когда палящее солнце перестало нещадно жечь черную макушку и лишь ласково согревало обнаженные плечи. В очереди в ЖЭК Рада снова видела странного человека с остановившимся взглядом. Он прошел в приоткрытую дверь мимо столпившихся у кабинета людей, даже не извинившись.

– А что, он без очереди? – автоматически поинтересовалась девушка и получила в ответ недоуменные взгляды.

– Кто? – не поняла женщина у двери и подозрительно покосилась на Раду. Девушка сглотнула и предпочла, потупившись, пробормотать:

– Простите, видимо, ошиблась.

Раде совершенно не нравилось то, что творится вокруг. Если один невидимый для остальных человек мог быть случайностью, то два – это уже пугающая закономерность, о которой лучше молчать. Ни к чему выставлять себя сумасшедшей.

Глава 5

Скамейка памяти

К тому времени, когда Рада доползла до квартиры, осталось одно-единственное желание: спрятаться под одеяло у себя в комнате и уснуть до утра. Девушка устала от творящихся вокруг странностей, от очередей и длинного, утомительного дня. Хотелось, чтобы он закончился и забрал с собой все, что внесло сумятицу в размеренную и комфортную жизнь.

Но Рыжая, встретившая на пороге, разрушила все планы. Художница была довольна, свежа и пританцовывала от нетерпения. Огненные пушистые волосы походили на заплетенную в косички, а потом распущенную гриву смешного пони по имени Ежик, который катал детей в парке недалеко от родительского дома.

– Какая-то ты замученная! Нужно кофе. Я сварю, – безапелляционно заявила Рыжая и, не дожидаясь ответа, отправилась на кухню. Легкая, светлая юбка до пят, сшитая из тонкого льняного материала, несмотря на скромный покрой, смотрелась провокационно, обрисовывая контур стройных ног похожей на фею девушки.

Рада вздохнула и покорно отправилась за соседкой, хотя ни кофе, ни разговоров не хотелось, но еще в меньшей степени хотелось что-либо объяснять и спорить, а просто уйти не позволяло воспитание. К тому же ей искренне нравилась Рыжая. Ни к чему ее обижать показным безразличием. Художница заражала энергией и не обращала внимания на хмурый вид соседки.

По кухне поплыл тонкий аромат кофе, и Рада внезапно осознала, что за весь сегодняшний день съела только одно мороженое. В холодильнике стоял йогурт, но хотелось чего-то посущественнее.

– Есть хочешь? – как ни в чем не бывало осведомилась Рыжая, и Рада, не удержавшись, воскликнула:

– Ты мысли, что ли, читать умеешь?

– Не-е-т, – опешила художница, как-то слишком уж активно отмахнувшись. Едва кофе по плите не расплескала. – Просто предположила... ну не хочешь, как хочешь. А то вон плов остался. На меня периодически нападает кухонное настроение, и я готовлю. Сама ем мало, поэтому приходится либо друзьям скармливать, либо выкидывать. Ой! – осеклась она. – Ты не обижайся, я плов предлагаю не потому, что все равно выкидывать. Он действительно вкусный!

– Я не обижаюсь. – Рада искренне улыбнулась. На душе потеплело. Непосредственность Рыжей забавляла, а не раздражала. Хотя люди, которые слишком быстро вторгаются в личное пространство, раздражали, но Рыжая была исключением. Несмотря на этот недостаток, она оказалась удивительно приятной в общении.

Плов пах так вкусно, что Рада едва дождалась, пока он подогреется. Горячий, жирный, с крупными кусками морковки и сочными ягодами барбариса. У девушки потекли слюнки, и она съела всю тарелку, хотя порция, которую положила Рыжая, казалась просто огромной.

Рада и не представляла, насколько была голодна, пока тарелка не опустела. Сейчас стало намного лучше, напало сытое, умиротворенное спокойствие. Кофе девушка пила не торопясь, шурясь от наслаждения, маленькими осторожными глотками. Тревоги отступили на второй план, усталость прошла, а мир снова заиграл яркими красками. «Как мало нужно человеку для счастья», – подумала девушка, делая очередной глоток терпкого, горьковатого напитка, пахнувшего корицей.

– Тебе надо погулять, – заявила Рыжая, дождавшись, когда Рада допьет кофе.

– Нет... я сегодня весь день гуляю! Нагулялась до тошноты, если честно.

– Сегодня ты весь день бегаешь по делам, – возразила Рыжая, – а тебе нужно погулять. – От нее оказалось непросто отвязаться. – Собирайся, покажу тебе город. К тому же сама не появлялась на улице уже... – Она задумалась. – Восемь дней.

– Восемь дней? – изумилась Рада, которая никогда не была домоседкой. В четырех стенах ей быстро становилось тесно. Даже украшения она предпочитала мастерить в гостях. Это не всегда удобно, но привыкнуть можно ко всему. Зато не скучно. – Как такое возможно?

– А вот так. – Рыжая пожала плечами. – Минусы творческой профессии. Обычно я выползаю хотя бы в магазин, а в течение учебного года еще и на пары, а тут так сложилось. Сессия закончилась, мама три дня назад заезжала с полными сумками еды, вот я и не выходила никуда. Незачем. С заказчиками по Интернету общаюсь, а друзья привыкли, что периодически я исчезаю на неопределенный срок.

– А мама почему у тебя так быстро уехала? Она живет где-то недалеко?

– Да. Она приезжает часто, но ненадолго. В деревне слишком большое хозяйство, чтобы оставить его на произвол судьбы: две коровы, коза, поросенок, куры и мой младший брат. Отец нас бросил давно, когда Митька только родился. Мама воспитывала одна, работала с утра и до заката, но мы все равно едва сводили концы с концами, поэтому я начала очень рано работать. Сначала помогала маме, летом собирала ягоды и грибы на продажу, иногда сама продавала, но потом поняла – это совсем не мое. От физического труда на свежем воздухе меня тошнит. Рисовала я всегда, даже ходила в художественный кружок при сельском клубе. После одиннадцатого класса поступила сюда, на худграф. Мама честно предупредила, что практически не сможет мне помогать. Первые два года было очень голодно, но потом постепенно я стала рисовать лучше и лучше, подтянулись заказчики, и теперь я ничуть не жалею о своем выборе. Мама поставляет мне свежее мясо, молочко и овощи со своего огорода, а я живу себе в удовольствие, учусь и еще немного помогаю им с братом. Вот так. Вся моя нехитрая судьба в двух предложениях.

– Не похожа ты на деревенскую девочку, – усмехнулась Рада, восхищенно разглядывая свою хрупкую и утонченную соседку. Рыжая была настоящей представительницей богемы – непосредственная, немного странная, с пронзительным взглядом и бледной кожей. Сложно представить, как она доит корову.

– Я всегда умела хорошо приспосабливаться к любой ситуации. – Художница пожала плечами. – Везде принимают за свою. Так ты идешь гулять или нет?

– Пойдем, – махнула рукой Рада. – Только джинсы надену, а то к вечеру если и не похолодает, то комары налетят однозначно.

– Хорошо. А пока гуляем, озвучу мысли, которые мне пришли в голову. Они касаются того, где Степан Григорьевич мог взять ксерокопию репродукции и как нам найти нужную книгу.

Девушки медленно брели по пустынной, тихой улочке мимо старых домов, нижние этажи которых были кирпичными и утопали в земле почти по маленькие окна, а верхние – деревянными, как правило, с нарядными, цветными наличниками. Дома походили один на другой, но в то же время отличались своей неповторимой индивидуальностью. Где-то имелись небольшие палисадники с вычурными клумбами и лебедями, сделанными из старых покрышек, где-то резные наличники поражали воображение кучей завитушек и искусной столярной работой. Рада разглядывала их с интересом, проникаясь духом старинного города, а Рыжая болтала.

– Твой дед до последних дней работал на кафедре культурологии нашего университета. Он проводил много времени со студентами или в библиотеке. Я более чем уверена в том, что книга, с которой он делал копию, где-то в университете. Мы можем завтра сходить сначала на кафедру, и если секретарь не в курсе и Семен Григорьевич делал ксерокопию не на их

оборудовании, значит, наведаемся в библиотеку. Меня там хорошо знают и, думаю, дадут его формуляр...

– Из которого мы узнаем, какие книги он брал, – закончила за Рыжую Рада. Ей понравилось предложение художницы. То, что она говорила, имело смысл.

– Именно так. Очень удивлюсь, если мы не отыщем нужное. А сегодня я тебе покажу наш парк! – радостно заявила Рыжая и уверенным шагом направилась дальше по узкому тротуару. – Во-первых, там красиво. Во-вторых, есть крепостная стена, очень старая, которая относится к главной достопримечательности города – кремлю. В-третьих, из парка открывается непередаваемо прекрасный вид на реку. У меня есть пейзажи всех времен года. Но из разряда тех... непередаваемых... – Она недовольно сморщилась, намекая на свой удивительный талант.

– То есть место вдохновляющее? – Рада понимающе улыбнулась, испытывая неясную радость от того, что странности имеются не только у нее. Настроение улучшилось, к тому же девушка с момента выхода из дома не видела ни одного человека с остановившимся взглядом и почти смогла убедить себя, что утром они ей просто мерещились из-за перегрева.

– В парке всегда много народа – молодежь гуляет именно там, – продолжила рассказывать Рыжая, помахав кому-то рукой. – Можно встретить кого угодно, – прокомментировала она свой жест. – Поэтому знакомство с городом и его лицами нужно начинать именно отсюда. Ну и, как ты уже заметила, парк расположен недалеко от нас. Осталось только перейти дорогу.

Вообще, мы живем в старой части города. Если проехать по главной дороге южнее, то попадешь совсем в другой мир – современные здания, офисные и торговые центры, девятиэтажки. Там даже ритм жизни кажется быстрее и интенсивнее, но здесь мне нравится больше. У старой части города с дореволюционными постройками свое, особое очарование. Здесь культурный и исторический центр, а там рабочий и деловой.

– Но нотариальная контора отца Бера в старой части города, – задумавшись, отметила Рада.

– Это, как бы выразиться деликатнее... – медленно начала Рыжая, пытаясь подобрать нужные слова, но потом махнула рукой на это бессмысленное занятие. – Впрочем, к черту деликатность. Это – понты. Аренда и недвижимость в Старом городе баснословно дорогая, поэтому офисы здесь себе могут позволить только очень богатые люди. Такие, как папаша Бера. Он ведь не местный. Несколько лет назад семья Бера переехала сюда из Москвы. Его отец сразу же открыл нотариальную контору и подружился с мэром. Незаметно фирма Окулова стала самой крутой и популярной в городе. Кстати, вон и парк! Правда, красиво?

В парк, расположенный на краю старого крепостного вала, вела узкая тропинка, проходящая сквозь дыру в ограждении, и попасть туда можно было круглосуточно, в отличие от территории самого кремля, которую на ночь закрывали – массивные деревянные ворота восемнадцатого века запирали на засов.

Существовали, конечно, и красивые парадные, кованые ворота, ведущие на территорию парка, но ими, как пояснила Рыжая, пользовались редко. Располагались они совсем в другой стороне, и подойти к ним можно было, только миновав рыночную площадь и старые торговые ряды. Парк выглядел запущенно и походил на слегка облагороженный лес, через который вела мощенная тротуарной плиткой тропинка, заканчивающаяся на заросшем травой и незабудками склоне. С края вала открывался шикарный вид на извивающуюся в полях реку, небольшой остров вдалеке и россыпь похожих на горох домиков соседней деревушки. Здесь тропинка превращалась в широкую аллею с новыми лавочками на кованых ножках.

Со стороны реки доносилась музыка – на песчаном пляже жались друг к другу несколько небольших кафешек с выставленными прямо на песок столиками. Кусочек цивилизации на диком берегу с ракетами, полощущими ветви в проточной воде.

– Здесь действительно красиво, – согласилась Рада, вглядываясь в растекающийся по небу розовый закат, напоминающий пролитый на голубую скатерть клубничный кисель. – Умиротворяющее место.

– А то! – мечтательно вздохнула Рыжая, подойдя к краю холма и взглянув вниз на реку. – А зимой здесь такие классные горки! Можно улететь до середины реки! Вот даже признаться стыдно, но мы с университетской группой каждые выходные приходим кататься. Чудное зрелище: малые дети с мамашами, школьники и мы. – Рыжая усмехнулась и повернулась к Раде, по своему обыкновению резко сменив тему: – Пошли искать свободную лавочку, а то ноги устали.

С этим были проблемы. На лавочках, стоящих по краю вымощенной дорожки, сидели парочки, стайки девчонок, компании с гитарами или благообразные старушки, отмахивающиеся от комаров вениками из веток сирени, которая росла на территории парка в огромном количестве.

Рыжая оказалась права. Парк действительно являлся местом паломничества всего города. Вечером, в приглушенном свете садящегося солнца, по чистым тропинкам прогуливалось много народа, и все освободившиеся места сразу же оказывались заняты вновь подошедшими людьми. Девушки неторопливо брели по высокому берегу, который в древности был крепостным валом. С одной стороны находился довольно крутой склон, ведущий к реке, с другой – простирался парк, деревья, кусты сирени, лавочки и тропинки, а за ними массивная и очень древняя крепостная стена, отгораживающая парк от города и оживленной магистрали.

Одна лавочка казалась особенной. Она стояла не в один ряд со всеми остальными, а чуть в стороне, на коротко стриженном газоне, была выполнена из темного камня, вероятнее всего, черного мрамора и походила больше на памятник, чем на место, где можно присесть. К тому же рядом стояла массивная ваза из такого же черного камня. Из нее торчал засохший букет цветов, а рядом на земле лежали искусственные розы.

На спинке лавочки сидела в одиночестве симпатичная грустная девчонка и смотрела прямо перед собой невидящим, потерянным взглядом. Синие узкие джинсы, патрули с яркими шнурками, олимпийка, а на голове кепка козырьком назад. Несмотря на всю свою обычность, девушка на лавочке словно находилась в другом измерении. Она была одна, не пыталась ни с кем заговорить, да и ее словно никто не замечал. Люди проходили мимо и даже не поворачивали голову в ее сторону.

– Это напоминание об одном трагичном случае. – Рыжая остановилась рядом с Радой и проследила за ее взглядом. – Лавочку установили в память о шестнадцатилетней девушке. В прошлом году она погибла. Разбилась, когда каталась с парнем на мотоцикле. Парню – ничего, а она неудачно упала на бордюр... Когда девушка была жива, на этом месте всегда собиралась компания, в которой ее очень любили. Ребята и нашли деньги на памятник... Ее парень до сих пор каждую неделю приносит сюда цветы.

Рада, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы, смотрела прямо перед собой, отчетливо понимая, кто сидит на спинке лавочки с остановившимся взглядом. От этого понимания становилось еще страшнее и хуже. Девушка могла принять многое, готова была поверить в странности, но всему есть предел. Видеть умерших людей, молчаливыми тенями наблюдающих за живыми, она не хотела.

– Рыжая. – Голос дрожал, когда Рада задавала провокационный вопрос. – Это памятник, и именно поэтому на лавочке никто и не сидит?

– Все так! Но не будем грустить! Пошли дальше искать место под солнцем или, вернее, под луной!

– Пошли... – Девушка послушно двинулась следом, бросив прощальный взгляд на мраморную лавочку. Грустная симпатичная девчонка медленно исчезала в сгущающихся сумер-

ках, а Рада внезапно успокоилась. Похоже, со странностями придется смириться, иначе они сведут с ума.

Глава 6

Бер

Темнело. Воздух сгушался, нарастал гул голосов. Казалось, после того, как вспыхнули фонари, народа на центральной аллее парка только прибыло. Какое-то время Рада боролась с желанием рассказать Рыжей о том, что, похоже, видит призраков, и почти проиграла сражение. Но тут среди разномастной, незнакомой толпы увидела Бера. Его компания расположилась чуть в стороне, у старого, неработающего фонтана, но девушка не хотела искушать судьбу и встречаться. Находиться недалеко от него было почему-то очень неудобно.

– Слушай, пойдём отсюда! – Рада оглянулась через плечо на Бера, который стоял, прислонившись к своему мотоциклу. Руки парень сложил на груди словно специально. Мышцы, как у героя боевика девяностых, хищно вздувались под тонким трикотажем темно-серой водолазки, а колючий взгляд из-под надвинутой на брови банданы, казалось, пронизывает насквозь. И еще Раде не нравился его мотоцикл – он являлся символом вседозволенности. Парк явно был пешеходной зоной, но, по всей видимости, не для Бера.

– До жути неприятный парень! Прямо аж в дрожь бросает!

– Ну, это ты зря, – не согласилась Рыжая. Она, в отличие от Рады, была бы не против подойти к компании, но послушно развернулась, подхватив приятельницу под руку. – Бер неплохой. Не понимаю, чем он тебе так неглянулся? Парень как парень! Даже вполне симпатичный и эффектный. Нужно как-нибудь нарисовать, колоритный типаж... заставить бы его раздеться... – мечтательно протянула она, сощурившись от удовольствия. И тут же стала похожа на кошку, пытающуюся стянуть со стола кусок колбасы. Рада этих мечтаний и восторгов не разделяла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.